

Руки дрожали. Я понимал: реши У Тхэ Сон прямо сейчас развернуть меня и изнасиловать — в этом не будет ничего странного. Нужно было убираться отсюда как можно скорее, но я боялся спровоцировать его даже малейшим движением.

Не было ни времени, ни душевных сил, чтобы привести в порядок липкое, грязное тело. Мысль о том, что нужно выбраться в коридор, к спасительной входной двери, вытеснила всё остальное, даже неприятную влажность внизу живота.

К счастью, пока я натягивал на себя одежду, У Тхэ Сон не передумал. Он лишь молча наблюдал за каждым моим движением. Наверное, роковой ошибкой стало то, что, застегнув последнюю пуговицу, я с облегчением выдохнул, решив, что всё наконец-то позади.

— Когда вам будет удобно, учитель?

— ...О чём ты?

— О следующем разе. Я спрашиваю, когда вам удобно.

Сердце ухнуло в пропасть. Гром среди ясного неба. А У Тхэ Сон говорил это с абсолютно невозмутимым видом, словно сообщал нечто само собой разумеющееся.

— Я... я же показал тебе. Ты сказал, если я просто покажу, ты...

— Но вы показали не по-настоящему.

Голос застрял в горле, силы покинули меня.

— Я же сказал, что мне любопытно.

— .....

— Как именно вы кончаете от анальной стимуляции.

Нет наказания более жестокого, чем надежда. За последние шесть лет я усвоил это на собственной шкуре, но всё равно оказался достаточно глуп, чтобы снова понадеяться. Хотя знал лучше кого бы то ни было. Хотя ясно видел, куда ведёт эта дорога, я сам же взвалил на себя лишний груз, наивно полагая, что скоро всё закончится.

— Одними пальцами вы ведь не удовлетворились, так?

Из моего застывшего тела, казалось, выпало сердце и рухнуло на пол. Я не мог поднять головы. Я видел лишь осколки своего сердца, бешено пульсирующие в ногах. И У Тхэ Сона, наступающего на них.

— Они длинные и тонкие. Для исследования они, может, и хороши, но для того, чтобы их плотно сжимать, — вряд ли.

У меня не хватило духу вырвать руку из его хватки. У Тхэ Сон мягко погладил большим пальцем каждый мой дрожащий палец. А затем собрал их в пучок и принялся рассматривать под разными углами, будто прикидывая размер.

— Даже четырёх будет мало.

Я мгновенно понял, что он имеет в виду. Даже бешено колотившееся сердце замерло. Казалось, вся кровь, от которой гудело тело, разом отхлынула к ногам. С мертвенно-бледным лицом я уставился на свою руку в ладони У Тхэ Сона.

Конечно, это не могло закончиться одним разом. Это было очевидно. Ведь стандарты того, что значит «по-настоящему», устанавливал не я. Критерием было не моё старание, а степень удовлетворения У Тхэ Сона от этого зрелища. Нет, скорее, всё закончится не тогда, когда он будет полностью удовлетворён, а когда ему просто станет скучно.

От этой мысли стало ещё страшнее. Казалось, он в любой момент мог снова приказать мне раздвинуть ноги. Одежда, которую я с таким трудом натянул на себя, постоянно оглядываясь на него, не давала никакой защиты. Она слетела бы с меня от одного его жеста.

То, что я старательно игнорировал, никуда не делось. Проблемы не исчезают от того, что на них не смотришь, и не растворяются, если просто зажмуриться. Подкормленное моей наивной надеждой, оно лишь разрослось и теперь ждало меня в самом конце пути. Словно это и был мой неизбежный финал.

В конце концов, всё случившееся было лишь прелюдией. У Тхэ Сону нужно было только одно. То самое. Мой взгляд невольно метнулся к ширинке его брюк. Бугорок под тканью казался особенно вызывающим.

В этот момент У Тхэ Сон хмыкнул.

— Вы такой откровенный, учитель. Как я могу делать вид, что не замечаю, когда вы так пялитесь?

— .....

— Вы ведь всё это время смотрели на меня, потому что хотели, чтобы я вас трахнул, да?

— ...Что?

— Вы пожирали меня глазами на каждом уроке.

У Тхэ Сон отпустил мою руку, ослепительно улыбаясь. Разумеется, я понимал, что это вовсе не

означало свободу.

— Думали, если будете так смотреть, я вам вставлю?

Этот парень — псих. Теперь я был в этом уверен.

***

Все выходные я провалялся в постели. Меня буквально скрутило. Наверное, сказалось то, что запредельное напряжение, которое было в доме У Тхэ Сона, разом отпустило.

[Сонбэ, я завтра поеду один. Похоже, придётся ехать на работу прямо от тёти.]

[Ок, тогда до встречи в школе.]

У меня не хватило бы духу смотреть Ли Джин У в глаза как ни в чём не бывало. Хотя мы всё равно встретимся в школе, хотелось оттянуть этот момент хоть ненадолго. Но стоило мне выйти из дома, как я понял свою ошибку. Моя неуверенность в себе не ограничивалась одним лишь видом сонбэ.

Пока я ехал в метро, а потом пересаживался на автобус, я бесчисленное множество раз молился лишь о том, чтобы испариться. Каждый раз, когда я ловил на себе чей-то взгляд, меня начинало трясти, как при панической атаке. И если так было с незнакомцами, то о каком спокойствии могла идти речь по мере приближения к школе?

Я изо всех сил вцепился в собственное бедро — единственную часть тела, до которой мог дотянуться. Конечно, это почти не помогало.

«Следующая остановка — главные ворота старшей школы Сонджин».

Спохватившись, я поспешно приложил карту и выскочил из автобуса. И только тогда понял, что, вопреки моим страхам, поездка ничем не отличалась от обычной. Никто не заметил той паники, что клочкотала у меня внутри.

— Учитель Сон, что с вами? Вы такой бледный.

— Да, вы всё ещё не отошли от простуды?

— А, нет. Я в порядке.

Конечно же, и в школе ничего не изменилось. Обычный понедельник, до боли знакомый, будто сошедший со старых воспоминаний.

Все были на своих местах. Лишь я один был напряжён до предела, словно вбитый не до конца гвоздь, который в любой момент могут выдернуть. И это было естественно. Ведь сколько бы я ни изображал нормальность, сама суть проблемы никуда не делась.

Страх, разраставшийся с каждым часом, обретал конкретные, удушающие формы.

Первая картина, что вставала перед глазами: школьная доска объявлений, а на ней — донос. Первый этаж главного корпуса — самое людное место в школе. Новость, вывешенная там, разнесётся по всем коридорам меньше чем за неделю.

Если это случится, за моей спиной начнётся шёпот. Яркие, мучительные видения неслись одно за другим: мой стол, заваленный записками с проклятиями; странная, напряжённая тишина в учительской, где никто не смотрит мне в глаза; и, наконец, меня куда-то тащат и избивают ногами.

Я думал, что всё это — кара, ниспосланная мне. Наказание за то, что самонадеянно возжелал того, на что не смел даже смотреть. Расплата за все шесть лет отсрочки.

Я признаю. Последние шесть лет моя безответная любовь была слишком удобной. Никакого напряжения, временами я даже терял бдительность. И хоть я понимал, что мне просто везёт, со временем я бессознательно начал принимать это везение как должное.

Даже лихорадка была лишь отговоркой. На самом деле я просто не волновался. «Всё будет в порядке». «Да как меня поймают?». За столько лет меня ни разу не раскрыли. Я слепо верил в шаткий довод: раз до сих пор всё было хорошо, значит, так будет и дальше.

Да. Я оказался в этой ситуации из-за собственной беспечности.

Я мог выдохнуть, лишь когда каждый час своими глазами проверял доску объявлений. Возвращаясь на место, идя по коридору, я вздрагивал от каждого звука и вслушивался в чужие разговоры. Я не смел смотреть людям в глаза, но отчаянно пытался уловить их настроение.

И, конечно, больше всего я боялся его.

Но самое смешное, что, несмотря на весь мой ужас, телефон молчал. С У Тхэ Соном я ни разу не столкнулся один на один. Даже на уроках, где встречи было не избежать, он вёл себя как обычно. Словно того дня просто не существовало.

Время, поначалу тянувшееся невыносимо медленно, к среде и четвергу начало ускоряться. Каждый новый день не приносил облегчения, но давал крупицу уверенности. Ничего вокруг не менялось. Даже течение времени ощущалось как прежде. Стоит лишь мне вернуться в норму, и всё снова будет как раньше.

«Может, вживую это оказалось не так интересно, как он себе представлял? Зрелище того, как мужчина дрожит, не могло быть настолько увлекательным, чтобы смотреть на это дважды или трижды. Просто мимолётное любопытство».

Подобные обнадёживающие мысли не просто крутились вокруг вопроса «Неужели всё закончилось?», но даже доходили до абсурдного самообмана: «А что, если мне всё это просто приснилось?».

[Пятница 22:00]

Хрупкая, наивная надежда разлетелась вдребезги от короткого сообщения, в котором не было и десяти символов. И словно только этого и ждала, дрожь в руках наконец унялась.

Да. Это не могло так закончиться.

[Ты пришёл?]

С того дня я начал получать сообщения раз в два-три дня.

[Сегодня сделаем это здесь.]

У Тхэ Сон вызывал меня к себе регулярно. Всё, что происходило в до боли знакомом квартире 1201, решал он один. Мне приходилось двигаться так, как того хотел У Тхэ Сон, и там, где он хотел.

— Выглядите неважно, учитель. Вам не понравилось?

И он всегда спрашивал, что я чувствую.

Хотелось язвить в ответ: «А ты думаешь, этим можно наслаждаться?». Но всё, на что меня хватало, — это лёгкий кивок. Это был предел моих возможностей.

Со стороны это могло показаться безразличием, но на самом деле было проявлением полного бессилия. Я не хотел говорить ему правду. И уж тем более не собирался удовлетворять его любопытство.

Но моё молчание ничего не меняло. Несмотря на моё каменное лицо, его цепкий взгляд не упускал ни малейшей перемены в моём выражении. Он подмечал, где и как реагирует моё тело, вплоть до дрожи в кончиках пальцев.

— Пожалуйста, скажите честно.

— .....

Переводчик и редактор — Rudiment.

<http://bllate.org/book/14794/1318950>